

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 947.18

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ДЕМОКРАТИЯ», «МОДЕРНИЗАЦИЯ», «ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ» Correlation of Notions “Democracy”, “Modernization”, “Democratic Transit”

С. А. Величко – доцент кафедры теории и истории государства и права Омской юридической академии, кандидат исторических наук, доцент

S. A. Velichko – Associate-Professor at the Department of State and Law Theory and History, the Omsk Law Academy, Candidate of Historical Sciences, Associate-Professor

***Аннотация.** В статье рассматривается соотношение понятий «демократия», «модернизация», «демократический транзит». Излагаются основы, сопоставляются различные современные подходы и оценки теории демократического транзита. Обосновывается необходимость применения теории демократического транзита в исследованиях по новейшей истории.*

Correlation of notions “democracy”, “modernization” and “democratic transit” is under study. The author sets forth the fundamentals, compares different modern approaches and assessments of democratic transit theory. The grounds to use the theory of democratic transit in modern history studies are given.

***Ключевые слова:** демократия, модернизация, демократический транзит.
Democracy, modernization, democratic transit.*

В современных общественных науках среди исследователей нет единства взглядов на проблемы демократии и демократического транзита. Термин «демократия» зародился в Древней Греции и в переводе означал «народовластие» (от греч. *demos* – народ и *kratos* – власть), но, несмотря на множество исследований, посвященных феномену демократии, четкого научного

определения термина «демократия» до сих пор нет.

М. Н. Марченко выделяет несколько признаков и характерных особенностей демократии, «выработанных веками»: 1) демократия всегда ассоциируется с народом, его волей и интересами; 2) демократия проявляется во всех сферах жизни общества не только в политической,

но и в экономической, социальной, культурной, научной, идеологической; 3) о демократии в каждой отдельно взятой стране можно говорить не как о случайном наборе демократических проявлений, институтов и учреждений, а как о системе; 4) у разных слоев общества разное представление о демократии; 5) демократия традиционно квалифицируется как власть большинства членов общества или всего народа при уважении прав меньшинства; 6) наличие в системе государственной власти и управления политической оппозиции; 7) при демократии каждый гражданин является одновременно не только объектом, но и субъектом власти и управления; 8) при демократии гарантируются неотчуждаемые права и свободы человека [4, с. 14–20].

Распространенной сейчас является дефиниция А. Пшеворского, в которой утверждается, что демократия предполагает определенность процедур при неопределенности результатов [5, с. 27]. Таким образом, неотъемлемой чертой демократии являются избирательные права человека и гражданина: наличие выборных должностных лиц, право претендовать на выборную должность, свободные и честные выборы, всеобщее равное и прямое избирательное право при тайном голосовании, регулярность выборов. Причем А. Пшеворский утверждает, что демократия – это система, при которой партии проигрывают выборы. Дело в том, что выборы могут проводиться не только в демократиях, но лишь демократические выборы отличаются неопределенностью, необратимостью и повторяемостью. Выборы являются неопределенными, так как до объявления результатов никто не может быть полностью уверенным в победе, необратимыми – результаты нельзя изменить и избранные лица займут свои посты на предусмотренный Конституцией срок.

На выборах при недемократических режимах до 99 % голосов получает правящая партия, а избирательный бюллетень содержит только одного кандидата от этой организации. Таким образом, проходят своеобразные выборы без выбора, которые проводились в СССР до 1989 г., – на один депутатский мандат претендовал один кандидат. При демократических выборах на один депутатский мандат претендуют несколько кандидатур, идет острая политическая борьба. При демократических режимах победитель в этой борьбе часто получает менее 55 % голосов [5, с. 34].

Теория демократического транзита как методология научного исследования является междисциплинарной и имеет глубокие корни в политической науке. Впервые термин «демократический транзит» стали использовать в 90-е годы XX в. для характеристики переходного состояния общества. Такие политологи, как Д. Растоу, Г. О. Доннел, Т. Л. Карл, Ф. Шмиттер, считаются основателями транзитологии как нового научного направления. А. Ю. Мельвиль рассматривает транзитологию как составную часть сравнительной политологии, изучающей закономерности многообразных и разноплановых политических трансформаций современности [6, с. 67].

Но транзитологическая методология стала активно применяться и другими общественными науками: социологией, культурологией, юриспруденцией. На сегодняшний день транзитологическая теория недостаточно используется в исторической науке для анализа исторической действительности трансформирующегося, изменяющегося, переходного общества. Использование достижений транзитологии позволит выявить причины политических и социально-экономических трансформаций, произошедших в Советском Союзе в 1985–1991 гг., изучить этапы прохождения, содержание и результаты демократического транзита в нашей стране на примере Сибирского региона, а также выделить особенности транзитологических изменений в России и Сибири.

Транзитивные этапы периодически повторяются в истории каждой страны, или, иначе говоря, демократизация как мировой исторический процесс идет волнами. Волна демократизации – это группа переходов от недемократических режимов к демократическим, происходящих в определенный период времени, количество которых значительно превышает количество переходов в противоположном направлении в данный период [10, с. 26]. Первая и вторая волны демократизации имели место в XIX – начале XX в. – революционный процесс в Европе и либерализация правящих режимов (1828–1926) и после Второй мировой войны – деколонизация стран третьего мира и демократизация бывших фашистских или милитаристских государств (1943–1964).

Третья волна демократизации начинается с государственного переворота в столице Португалии Лиссабоне 25 апреля 1974 г., когда была

свергнута военная диктатура Марсела Каэтану [10, с. 13]. Переворот 25 апреля стал началом мирового движения к демократии, затем пали авторитарные режимы в Испании и Греции, в последующую четверть века более 30 стран начали движение от авторитаризма к демократии. В конце 1980-х гг. модернизация началась в СССР и странах Восточной Европы. Преобладающей чертой этого перехода стало распространение основной процедуры демократии – соревновательных выборов с заранее неизвестным результатом. Термин «третья волна» впервые появляется в одноименной книге А. Тоффлера, посвященной переменам во всех сферах общественной жизни под влиянием электронной и информационных революций [13].

С. Хантингтон выделяет несколько моделей демократизации: 1) классическая линейная модель (Великобритания, Швеция) – постепенность демократизации, ограничение власти монарха, расширение прав парламента и граждан; 2) циклическая модель (страны Азии и Латинской Америки, возможно Россия) – чередование демократических и авторитарных режимов при формально позитивном отношении к демократии политической элиты; 3) диалектическая модель (Испания, Португалия, Греция) – нестабильность политических режимов, но переход к демократии произошел под влиянием уже созревших для нее внутренних предпосылок [12, р. 145].

По классической модели демократизации инициатива реформ обычно исходит сверху – от правящей элиты, которая всегда делится на радикалов и консерваторов. Именно так и произошло в Советском Союзе в 1985 г.: правящая партия выступила с инициативой начала перестройки. Таким образом, мы можем отнести преобразования, произошедшие в нашей стране на рубеже 1980–90-х гг., к классической линейной модели демократизации.

Демократический транзит (от лат. *transitus* – переход, прохождение) – это процесс перехода от той или иной разновидности недемократии (авторитаризм, тоталитаризм) к демократической форме правления, которая предполагает либерализацию режима, восстановление или создание гражданского общества и введение свободных выборов по определенной процедуре с не определенным заранее результатом.

Д. Растоу выделял демократический транзит как особый исторический этап, то есть «период

времени от непосредственно перед переходом до непосредственно после перехода к демократии» [7, с. 6], кроме того, при характеристике транзитов он обуславливал их внутренними и внешними факторами, причем исключал из рассмотрения страны, где переходные процессы были вызваны исключительно внешнеполитическими факторами.

Таким образом, транзит – это неустойчивое равновесие в борьбе противоположных сил, процесс, протекающий в определенный исторический период с момента крушения одного типа социально-политической системы и властных отношений до момента, когда сфера властных отношений оказывается под влиянием другого властного субъекта и начинается строительство новой социально-политической системы. Транзит всегда имеет завершенные исторические рамки. Идеально для хронологических рамок демократического транзита в новейшей истории России подходит период перестройки (1985–1991). Он начинается с реформирования советской системы, которая, однако, не поддалась ему и была разрушена, власть в годы перестройки уходит из рук союзного центра и переходит в руки российских структур, которые начинают создавать принципиально иную социально-политическую систему.

Демократизация подразумевает либерализацию, но является более широким и специфическим понятием, означает открытую конкуренцию за право контролировать правительство, свободные выборы с заранее неизвестным результатом. Либерализация же относится в основном к взаимоотношениям между государством и гражданским обществом: смягчение режима, допущение граждан к участию в политике. Либерализационные процессы могут проходить вообще без демократизации, например, после «оттепели» 1950–60-х гг. демократизации не наступило. При авторитарном режиме либерализация может включать различные политические и социальные изменения, такие как ослабление цензуры, расширение степени свободы общественных организаций, введение гарантий от незаконного ареста и обвинения, освобождение политических заключенных, возвращение политических эмигрантов, терпимость к политической оппозиции. Демократизация же включает в себя и либерализацию, и создание или восстановление гражданского общества.

В современных общественных науках существует огромное количество определений гражданского общества. Хотелось бы дать нашу формулировку. Гражданское общество – это совокупность негосударственных частных объединений граждан (партии, общественные организации), преследующих индивидуальные или групповые интересы. Впервые определение гражданского общества дал Дж. Локк, вложив в это понятие в первую очередь возможность реализации частных и групповых интересов в обществе, которое идет по цивилизованному пути развития.

Концепция «третьей волны» демократизации, транзита базируется на следующих теоретических постулатах: переход к демократии трактуется как глобальный мировой процесс, демократия – как самоценность, ее установление не связывается с прагматическими, инструментальными целями; признается разнообразие демократических форм; исследователи допускают возможность наступления периода третьего отхода от демократии и возможность «четвертой волны».

В современных транзитологических исследованиях при всем многообразии подходов к проблеме взаимоотношений понятий «транзит» и «модернизация» можно выделить два подхода: 1) транзит – составная часть процесса модернизации, более узкое понятие; 2) транзит – второй этап модернизации, завершающий, который переводит всю систему в качественно новое состояние.

С нашей точки зрения, демократический транзит является одним из этапов модернизации, т. е. перехода от традиционного общества к обществу современному. Самое первое определение модернизации дал Ш. Эйзенштадт. Модернизация, согласно его теории, – это процесс выбора тех типов социальной, экономической и политических систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с XVII по XIX в., затем распространились на другие европейские страны, а в XIX и XX вв. – на южноамериканский, азиатский и африканский континенты.

Признавая различия в модернизации стран мира, Ш. Эйзенштадт выделял и общие черты процесса модернизации. Любое традиционное общество опирается на силу традиции или авторитета, догматическую идеологию или религию, аграрный тип экономики, отсутствие урбаниза-

ции, наличие закрытой социальной структуры, приниженное положение личности, несоблюдение прав человека. Современное общество базируется на промышленном производстве, урбанизации, рациональном способе управления, новейших научных технологиях, высокой дифференциации, институализации и специализации общества, индивидуальной активности, личностной свободе и защите прав человека, идейном и религиозном плюрализме, массовой грамотности. Современное общество отходит от патриархальных, патронажных отношений между людьми, наступает эра индивидуализма. Эта эпоха характеризуется рыночными отношениями в экономической жизни, выборами, дифференциацией интересов и борьбой партий в политике, инструментально рекрутируемыми бюрократическими организациями и механизмами в сфере управления [11, р. 1–3].

Теорию модернизации в дальнейшем развивали С. Хантингтон, Г. Спайро, Д. Фрисби и др. Как марксисты исходили из концепции экономического детерминизма, так и сторонники теории модернизации опирались и опираются на принцип технологического детерминизма, то есть состояние современного общества во многом зависит от уровня овладения новейшими научными технологиями. Многие из них понимали модернизацию как переход от тоталитаризма к демократии и процесс создания механизмов, позволяющих максимально большей части населения влиять на принятие основных решений. Тем самым теория модернизации тесно пересекается с теорией демократического транзита.

Сторонники теории модернизации выделяют два типа модернизации: 1) спонтанная (первичная) начинается в общественной системе по своим внутренним причинам, из-за потребности в развитии и является результатом длительного исторического пути; 2) догоняющая (вторичная) начинается в странах, которые немного отстают от передовых западных стран с целью освоить новые технологии, рыночные механизмы и демократические институты.

Особенность демократического транзита заключается в том, что он может начаться только при догоняющем типе модернизации, когда основные демократические принципы уже выработаны и их нужно только распространить на новые территории, когда существуют страны, на которые ориентируется общество, желающее модернизироваться.

Еще одну особенность современных демократических транзитов выделяет П. К. Гончаров. Согласно его точке зрения, если в прошлые века после этапа социальных революций следовали длительные периоды усвоения демократических ценностей и стабилизации общества, то в XX – начале XXI в. транзит не завершается консервацией изменившегося социального устройства, а приводит к началу нового социального транзита. Эту особенность развития мирового социума в новейшее время П. К. Гончаров называет «глобальной перманентной транзитивностью» [1, с. 78]. Таким образом, переходные процессы в наши дни имеют не локальный, как было раньше, а глобальный характер.

Классическая теория демократического транзита выделяет три этапа его прохождения: 1) кризис авторитарного режима и его либерализация; 2) формирование или восстановление гражданского общества; 3) проведение справедливых выборов с неизвестным заранее результатом [7, с. 5–14; 2, с. 6–27]. Далее следует довольно-таки продолжительный период консолидации демократии, когда демократические ценности окончательно усваиваются обществом. Период консолидации демократии не входит в демократический транзит, а является его продолжением.

Есть и попытки в современных общественных науках включить период консолидации демократии в сам демократический транзит. Например, Г. В. Федотова выделяет такие этапы прохождения демократического транзита: появление демократических идей, лидеров и движений; раскол элит и общества по вопросу о необходимости демократии; либерализация; консолидированная демократия [9, с. 8–10].

Один из ведущих российских политологов А. Ю. Мельвиль разделяет периоды демократического транзита и консолидации демократии [6, с. 65]. Что из себя представляет демократическая консолидация? Это глубокие изменения в обществе на уровне поведенческом, ценностном и конституционном. А. Ю. Мельвиль считает, что о ее достижении можно говорить только в том случае, если в обществе не осталось политических групп, которые бы стремились подорвать демократический режим; демократические процедуры и институты воспринимаются обществом как наиболее приемлемые механизмы регулирования социальной жизни; все общественные конфликты разрешаются в соответствии с демократическими процедурами [6, с. 66].

Е. В. Тышта, анализируя транзит с позиций микросистемного анализа, выделяет 4 этапа его прохождения: транзитивная идея; транзитивная практика; транзитивное действие; институциализированный результат транзита [8, с. 18]. Кроме того, Е. В. Тышта предлагает понимать транзит в широком и узком смыслах: в широком смысле транзит – это все виды переходов общественных систем в новое качественное состояние (не всегда в позитивном и прогрессивном смысле, но и деградация, распад), в узком смысле – процесс трансформации региональных систем под воздействием общеисторических (общероссийских) факторов [8, с. 18].

Теория демократического транзита имеет множество преимуществ для применения ее в исторических исследованиях по новейшей истории. Транзитология увязывает глобальные мировые, долгосрочные тенденции развития и локальные процессы. Теория максимально приспособлена для анализа перехода государств от авторитарного к демократическому режиму. Транзитологическая парадигма является основой изучения нестабильных, нестойчивых, переходных, но в то же время остающихся сложно-организованными системами в их наиболее трудный период – поиска оптимальной формы самоорганизации. Именно таким было советское общество 1985–1991 гг. Переходное, транзитивное состояние – это всегда сложное, внутренне противоречивое состояние общества, связанное с критической переоценкой своего прошлого и мучительным выбором будущего.

Рассуждая о современной России, нужно отметить переходность ее состояния (транзит), когда новое политическое качество полностью еще не состоялось, а старое еще не покинуло наше общество. Но идеал политического развития заявлен – это демократизм и правовое государство.

В то же время теория демократического транзита не допускает однолинейного развития, не обязательно транзит должен закончиться периодом консолидированной демократии, возможен возврат к тоталитаризму. Следует отметить многообразие реальных политических трансформаций, которые происходят с государствами, находящимися в зоне демократического транзита. Как совершенно справедливо заметил А. Ю. Мельвиль, «в одних странах завершается консолидация либеральных демократий, закрепляются демократические институты и практики,

в других такие институты и практики сочетаются с недемократическими, авторитарными, в третьих формальные демократические процедуры используются в качестве фасада, за которым скрываются новые разновидности автократического правления» [6, с. 64].

Таким образом, не всегда демократический транзит завершается торжеством демократии, при неудачной попытке демократизации может произойти трансформация одной разновидности недемократического режима в другую. Как отмечает американский исследователь Т. Карозерс, большинство переходных стран вообще не являются ни диктаторскими, ни стремящимися к демократии, а находятся в политически стабильной «серой зоне», перемены в которой могут не происходить десятилетия-

ми [3, с. 42]. Согласно его точке зрения, страны из «серой зоны» имеют некоторые демократические атрибуты, в них регулярно проводятся выборы. В то же время интересы граждан плохо представлены, они слабо участвуют в политической жизни, официальные лица демонстрируют частое пренебрежение к закону, фиксируется низкий уровень доверия населения к государственным институтам [3, с. 44].

Удачно или неудачно закончится демократический транзит в России, зависит от успешности процессов консолидации демократии: насколько хорошо укоренятся в обществе демократические традиции. Пока что, на наш взгляд, Россия находится в «серой зоне», но имеет шансы на то, чтобы демократические институты укоренились в нашей стране.

Библиографический список

1. Гончаров, П. К. Политический транзит: от концепции модернизации к парадигме транзитологии / П. К. Гончаров // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 2006. – № 2. – С. 59–78.
2. Карл, Т. Л. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) / Т. Л. Карл, Ф. Шмиттер // Полит. исслед. – 2004. – № 4. – С. 6–27.
3. Карозерс, Т. Конец парадигмы транзита / Т. Карозерс // Полит. науки. – 2003. – № 2. – С. 42–64.
4. Марченко, М. Н. Демократия как атрибут правового государства и ее изъяны / М. Н. Марченко // Гос-во и право. – 2014. – № 5. – С. 14–24.
5. Мельвиль, А. Ю. Как измерять и сравнивать уровни демократического развития в разных странах? (По материалам исследовательского проекта «Политический атлас современности») / А. Ю. Мельвиль, М. В. Ильин, Е. Ю. Мелешкина [и др.] ; Науч.-координац. совет по междунар. исследованиям МГИМО (У) МИД России. – М. : МГИМО-Университет, 2008. – 135 с.
6. Мельвиль, А. Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций / А. Ю. Мельвиль // Полит. исслед. – 2004. – № 2. – С. 64–75.
7. Растой, Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели / Д. Растой // Полит. исслед. – 1996. – № 5. – С. 3–16.
8. Тышта, Е. В. Синтез концепций модернизации и транзита в современной исторической науке / Е. В. Тышта // Гуманитарные. исслед. в Вост. Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 5 (25). – С. 11–20.
9. Федотова, Г. В. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории / Г. В. Федотова // Вопр. философии. – 2002. – № 12. – С. 3–21.
10. Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон ; [пер. с англ. Л. Ю. Пантиной]. – М. : РОССПЭН, 2003. – 365 с.
11. Eisenstadt, S. N. Modernization, Protest and Change / S. N. Eisenstadt ; ed. W. E. Moore, Neil J. Smelser. – New York : Prentice Hall, 1966. – 166 p.
12. Huntington, S. P. Political order in changing societies / S. P. Huntington. – New Haven : London : Yale University Press, 1968. – 488 p.
13. Toffler, A. The third wave / A. Toffler. – Toronto : Bantam Books, 1981. – 544 p.